

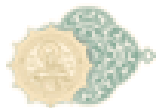
О религиозномъ воспитаніи дѣтей въ семействахъ¹⁾.

Приглашенный предложить слово въ настоящемъ собраніи, я долго думалъ, какой предметъ избрать для своей бесѣды, достойный вашего просвѣщеннаго вниманія, рѣчь о которомъ могла бы быть не бесполезною для васъ.

Пройдя длинный путь жизни и вспоминая многое, пережитое мною, я остановился своею мыслію на первоначальномъ періодѣ нашей сознательной жизни, обнимающемъ собою годы нашего дѣтства, и вы не посѣтуете на меня, если я осмѣлюсь склонить ваше вниманіе къ юному поколѣнію, представители котораго имѣютъ замѣнить насъ на принціѣ общественной дѣятельности, и на которое мы возлагаемъ свои лучшія надежды. Я приступаю къ рѣчи объ этомъ, одушевленный желаніемъ имъ всяческаго блага и возможно лучшаго устроенія ихъ жизни въ тѣ годы, когда они выступятъ самостоятельными дѣятелями.

Мы не можемъ не чувствовать глубокихъ симпатій къ дѣтямъ, еще не извѣдавшимъ злобы тяжелыхъ дней, надламывающихъ силы пани. Отъ нихъ вѣетъ ароматомъ чистоты и невинности. Самъ Спаситель нашъ съ ласкою любви обращался къ нимъ, приближалъ ихъ къ себѣ и говорилъ, указывая на нихъ въ назиданіе людямъ, искушеннымъ жизнію,

¹⁾ Чтеніе, предложенное въ собраніи Киевскаго религиозно-просвѣтительнаго Общества въ залѣ Фундукловской гимназіи 4 марта 1901 года.

насуцимся стадомъ. Живымъ юнымъ дѣтлорослямъ нашимъ на тернистомъ пути мятущейся жизни труднѣе сохраниться во всей своей неприкосновенности, чѣмъ цвѣтамъ неодоушевленнымъ, труднѣе достигнуть полнаго не возмущеннаго раскрытія красоты своей. Они ждутъ счастья въ жизни, и мы сулимъ имъ это счастье. Но будетъ ли оно, это желанное счастье, ихъ удѣломъ? Впередѣ у нихъ много опасностей, о какихъ они нынѣ не имѣютъ представленія, много неблагоприятныхъ вліяній, отъ которыхъ они, подобно цвѣтамъ, могутъ завянуть, и, завянувъ, не принести ожидаемаго отъ нихъ плода, и не воспользоваться радостями жизни.

Говоримъ это къ тому, чтобы напомнить вамъ о нашемъ священномъ долгѣ по отношенію къ дѣтямъ. Не любить только дѣтьми намъ слѣдуетъ, а первѣе всего заботиться объ ихъ охраненіи и надлежащемъ воспитаніи. Богъ даетъ намъ дѣтей и поставляетъ ихъ среди насъ, и насъ чрезъ то дѣлаетъ ихъ приставниками и хранителями, которые должны оберегать ихъ и всемѣрно способствовать ихъ правильному развитію. Богъ вдохнулъ въ насъ любовь къ дѣтямъ, чтобы мы охотнѣе исполняли возложенный на насъ долгъ ихъ охраненія и воспитанія. Въ очахъ Божіихъ такъ дороги юныя отрасли лучшихъ изъ созданій Божіихъ, что кромѣ насъ, по слову Господа, къ нимъ приставлены небесные хранители, выну видящіе лице Отца небеснаго (Матт. XVIII, 10). Если мы небрежемъ объ ихъ воспитаніи, мы дѣлаемся виновными не только предъ ними, но первѣе всего предъ Богомъ, поручившимъ ихъ намъ, и потомъ противъ самой природы нашей. По закону, наблюдаемому въ исторіи и Богомъ установленному, за грѣхи отцовъ терпятъ наказаніе дѣти. *Азъ есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель* (говоритъ Господь), *отдамъ грѣхи отецъ на чада до третіяго и четвертаго рода* (Исх. XX, 5. XXXIV, 7). И если какой грѣхъ отцовъ сопровождается печальными послѣдствіями для дѣтей, то главнымъ образомъ грѣхъ небреженія о нихъ.

что *таковыхъ есть царствіе Божіе* (Марк. X, 14). Это наше самое дорогое и высшее наслѣдіе, данное намъ Богомъ; это живое наслѣдіе должно будетъ продолжаться, устроить и вести къ большому совершенству то дѣло, которое мы несемъ на раменахъ своихъ.

Вашъ взоръ любитъся и пріятнымъ чувствомъ исполняется душа, когда весеннею порою оживленная природа украшается зеленою муравою и разнообразными цвѣтами. Кромѣ удовольствія, доставляемаго намъ украшенною природою, разсыпанные въ ней цвѣты возбуждаютъ въ насъ пріятную надежду на тѣ плоды, какими со временемъ, для нашей пользы, увѣнчаются разцвѣтающія и увеселяющія насъ растенія. Наши дѣти тѣ же цвѣты, только болѣе цѣнные и дорогіе, чѣмъ цвѣты, растущіе на землѣ. Мы не можемъ не любоваться этими юными лѣтораслями, благоухающими невинностію и чистотою, и, смотря на нихъ, вспоминаемъ иной разъ съ чувствомъ отрады, другой разъ съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія, улетѣвшіе отъ насъ невозвратные годы невиннаго дѣтства. А почему съ глубокимъ сожалѣніемъ? Потому, что не сбылись тѣ сладкія надежды, какія возбуждалъ цвѣтъ юности нашей въ насъ и въ близкихъ къ намъ людяхъ; потому, что тягость жизни надломляла насъ; потому, что мы потеряли прежнюю чистоту и невинность.

Можетъ быть, и дѣти наши, которыя нынѣ беззаботно живутъ подъ нашимъ попеченіемъ и питаютъ себя и другихъ радужными надеждами, со временемъ, когда заступятъ наше мѣсто, тоже съ сожалѣніемъ будутъ обращаться своею мыслию къ нынѣшнимъ юнымъ годамъ своимъ. Что ожидаетъ ихъ? И чѣмъ окажутся они впоследствии? Путь жизни труденъ и не гладокъ. Житейская атмосфера полна бурь и тревоженій. Цвѣты въ природѣ нерѣдко вынуты отъ зноя солнечнаго и недостатка влаги; другіе срываются вѣтромъ или пропадають отъ того, что надламывается стебель, на которомъ держатся они; третьи топчутся ногами или помядаются

Если мы не будемъ давать имъ надлежащей охраны, для нихъ возможны, даже неизбежны, частыя преткновенія на пестраномъ пути жизни, на которомъ такъ много камней, утесовъ и стреминь. Отъ нашей небрежности они могутъ получить неправильное развитіе или задержаться въ своемъ духовномъ ростѣ. Отъ нашей небрежности можетъ быть надломлена ихъ природа и испорчена ихъ жизнь, и они принесутъ другимъ и сами будутъ вкушать не сладкіе, а горькіе плоды отъ того, что не было надлежащей заботы о нихъ во время ихъ возрастанія и созрѣванія. И будетъ намъ горе и осужденіе за опущенный нами долгъ; будетъ и имъ горе и страданія, которыхъ они могли бы избѣгать, если бы у нихъ были ревностные и умѣлые приставники. Итакъ (скажемъ словами Господа) *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ. А иже... аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ уне есть елиу, да обвѣситъ жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морскій* (Матѣ, XVIII, 10. 6).

На что же намъ пужно обратить вниманіе въ своихъ заботахъ о дѣтяхъ, чтобы устроить жизнь ихъ возможно лучшимъ образомъ? Чѣмъ болѣе всего мы можемъ способствовать ихъ правильному развитію, и чѣмъ главнымъ образомъ можемъ содѣйствовать тому, чтобы образовать изъ нихъ людей крѣпкихъ, честныхъ, твердыхъ въ добрѣ и относительно счастливыхъ?

Дѣло воспитанія дѣло многосложное, и мы не можемъ въ короткомъ словѣ объять всю широту его. Разнообразны силы въ человѣкѣ, и на каждую изъ нихъ при воспитаніи должно быть обращено вниманіе, и каждой при развитіи должно быть дано направленіе, соответствующее требованію и указанію природы. Много нуждъ и потребностей возстаетъ предъ нимъ, и всѣмъ имъ нужно дать удовлетвореніе. Думая устроить счастье дѣтей, мы часто не на томъ сосредото-

намъ свои заботы, что болѣе всего необходимо для челоѣка и для его блага.

У многихъ, въ особенности въ массѣ простаго народа, главный предметъ заботъ—физическое воспитаніе. Руководясь инстинктомъ природы, мать кормитъ дитя свое и заботится о томъ, чтобы оно было сыто и успокоено. Когда возрастетъ дитя, ему даютъ нищу, одежду и все необходимое для жизни въ низшей ея сторонѣ.—жизни тѣлесной. Цѣль, какая достигается при этомъ,—физическое развитіе и здоровье. Нельзя пренебрегать и этимъ дѣломъ. Для полноты того блага, какого желаетъ челоѣкъ, необходимъ крѣпкій, здоровый тѣлесный организмъ. *Здравіе и крѣпость* (говоритъ премудрый сынъ Сираховъ) *лучше есть всякаго злата, и тѣло здравое, нежели богатство безчисленное* (Сир. XXX, 15). Слабое, хилое тѣло препятствуетъ челоѣку выполнять трудъ, на него возложенный, и само по себѣ составляетъ тяготу, подрывающую наше благосостояніе. Впрочемъ, въ отношеніи развитія и укрѣпленія физическаго организма, едва ли не у большинства семействъ, больше дѣйствуетъ природа, чѣмъ нарочитыя, разсчитанныя усилія воспитателей, хотя и здѣсь далеко не безъ значенія охраняющая заботливость челоѣческая.

Но физическое развитіе дѣтей, совершающееся притомъ по естественному закону природы, меньше требуетъ заботъ отъ воспитателей и имѣетъ для жизни меньшую значимость, чѣмъ развитіе и образованіе души, соответственно высшему значенію въ нашемъ существѣ души предъ тѣломъ. Здѣсь мы видимъ значительныя различія и въ степени заботъ о дѣтяхъ, и въ ихъ качествахъ, то есть, въ тѣхъ цѣляхъ, какихъ хотятъ достигнуть. Всѣ хотятъ сдѣлать дѣтей счастливыми; но счастье, какого желаютъ дѣтямъ, понимаютъ различно, и потому, ставя разные цѣли, употребляютъ разные воспитательныя средства для развитія дѣтей. Много заботятся иныя о внѣшнемъ дослѣ образованіи,—хотятъ, чтобы дитя,

вѣтры наносныхъ ложныхъ ученій или житейскихъ соблазновъ или тяжелыхъ бѣдствій, разражающихся надъ его головой. По слову Писанія, *начало прелюдросии*, умудряющей человека во благо и спасеніе—*страхъ Божій* (Притч. 1, 7). *Бога бойся и заповѣди Его храни* (Еккл. XII, 13), говоритъ Екклезіастъ: въ этомъ сущность всего для человека. Когда Господь давалъ оправданія и суды свои изоранному народу, Онъ заповѣдалъ ему, *да боится Господа Бога твоего, и да сохраниши заповѣди Его и оправданія Его, да благо тебѣ будетъ и сыновль твоиль по тебѣ* (Втор. IV, 4 г. VI, 2—3). Въ комъ заглохло религіозное чувство, кто потерялъ страхъ Божій, тотъ сбросилъ съ себя узду, удерживающую его отъ пути нечестивыхъ, ведущаго къ гибели. „Кто Бога не боится и людей не стыдится“, по народнои поговоркѣ,—худой, прощаній человекъ, готовый на всякое беззаконіе; потому что у него нѣтъ никакихъ твердыхъ нравственныхъ устоевъ, нѣтъ началъ, охраняющихъ его нравственное достоинство. Но въ комъ живо религіозное чувство, кто боится Бога, тотъ всемирно старается идти путемъ, предначертаннымъ намъ Богомъ, ведущимъ насъ ко благу и совершенству, и если подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ или враждебныхъ силъ допустить хотя малое отступленіе отъ этого пути и нарушеніе данныхъ намъ заповѣдей святаго закона, онъ испытываетъ наказаніе и строгое осужденіе отъ своего внутренняго суди и спѣшитъ опять возвратиться на тотъ спасительный путь, отъ котораго отступилъ въ увлеченіи какою-либо страстію. Человекъ, боящійся Бога, всегда старается держаться честныхъ правилъ въ отношеніи къ другимъ; потому что этого требуетъ законъ Божій, который онъ носитъ и живо сознаетъ въ своемъ сердцѣ; потому что за нарушеніе этого закона угрожаетъ гнѣвъ Божій, который для него тяжелѣе, чѣмъ наказаніе гражданское. Человекъ религіозный всегда скорѣе можетъ быть добрымъ семьяниномъ, вѣрнымъ другомъ и товарищемъ,

пришедши въ возрастъ, блистало въ обществѣ и пользовалось здѣсь успѣхами, и часто заботливость о вѣдѣнномъ доскѣ образованія идетъ въ ущербъ другимъ, болѣе важнымъ, сторонамъ развитія. У большинства первое желаніе и первая забота о томъ, чтобы дѣти отлично учились и съ возможнымъ успѣхомъ усвоили себѣ познанія, нужныя и полезныя для жизни. При этомъ имѣется въ виду, чтобы дѣти, хорошо прошедши курсъ ученія, составили себѣ блестящую карьеру на той службѣ, къ которой ихъ готовятъ, или съ полнымъ успѣхомъ вели предназначенный имъ родъ занятій, дающій средства для жизни и положеніе въ обществѣ.

Все это прекрасно. Хорошо—приготовить изъ дѣтей людей умныхъ, знающихъ, полезныхъ дѣятелей и членовъ общества. Но не здѣсь, не въ уметственномъ образованіи, не въ пріобрѣтеніи хотя бы множества разнообразныхъ свѣдѣній—корень, изъ котораго можетъ выростать крѣпость и счастье человѣка, нами воспитываемаго; не здѣсь основаніе, на которомъ можетъ опираться достоинство человѣка и его сила, могущая противостоятъ разнымъ соблазнамъ и искушеніямъ. Самая глубокая и твердая основа, на которой опирается достоинство человѣка—чувство божественнаго или религіознаго чувства, и вотъ къ этой основѣ, къ утвержденію и развитію этого чувства первѣе всего должно быть обращено вниманіе воспитателей.

Человѣкъ созданъ по образу Божію, и съ этимъ совершеннымъ образомъ связанъ многими, невидимыми для насъ, нитями. Развить и укрѣпить въ человѣкѣ этотъ образъ, не дать порваться нитямъ, связующимъ насъ съ нимъ,—къ этому должна быть направлена главная и преимущественная забота воспитателей. Когда живо въ человѣкѣ религіознаго чувства, чувство полной и постоянной зависимости отъ Бога, когда, какъ говорить, человѣкъ подъ Богомъ ходитъ, тогда онъ непоколебимо стоитъ на твердомъ камени, и его не поколеблютъ вѣтры, бушующіе вокругъ его,—будутъ ли то

готовыми на самопожертвование въ пользу ближняго. И въ своемъ нравномъ поведеніи онъ избѣгаетъ всего, унижающаго человеческое достоинство; потому что помнитъ о Богѣ, предъ которымъ открыты не только дѣла наши, но и тайныя помысленія и намѣренія. Съ живою религіозностью несомнѣстима нравственная распущенность и житейское легкомысліе. — Религіозное чувство, съ другой стороны, охраняетъ миръ и спокойствіе человѣка. Если разразится надъ нимъ бѣда какая и его постигнетъ несчастіе, — онъ не падетъ духомъ; потому что полагаетъ твердое упованіе на Бога. Онъ знаетъ и всегда помнитъ, что всеблагій Господь — нашъ покровитель и защитникъ, что безъ воли Его не падетъ и волосъ съ головы нашей, и что Онъ, всеблагій и милостивый, не оставитъ насъ среди несчастій, насъ постигающихъ, и если допустить страдать насъ по своему усмотрѣнію, то и это допустить для нашего же блага, и нашихъ страданій не оставитъ безъ своего возмездія, и подастъ намъ утѣшеніе. Чувствуя надъ собою бдительное око всеблагаго Отца небеснаго, онъ, обращенный къ нему душою, живетъ подъ нимъ, какъ подъ благодатнымъ покровомъ, и въ этомъ находитъ источникъ внутренняго мира и душевнаго спокойствія.

Не одни христіанскіе писатели въ религіи и религіозномъ воспитаніи видѣли коренное условіе для утвержденія въ человѣкѣ добраго поведенія и для насажденія въ немъ всего, сохраняющаго и возвышающаго достоинство человѣка. Сюда склоняли вниманіе людей, пріезжаемыхъ къ заботамъ воспитанія, и лучшіе писатели языческой древности. „Чтобы быть добрымъ (говорилъ языческій философъ Сенека)¹⁾, необходимо имѣть величайшее благоговѣніе къ богамъ“. „Отнимите у людей благоговѣніе къ богамъ (говорилъ другой языческій

¹⁾ Senec. Epist. ad Lucil. LXXVI. (Leips. 1832. 6. III, p. 215).

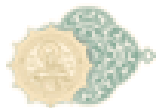
писатель Цицеронъ ¹⁾),—и погибнуть въ мірѣ вѣрность, дружба и превосходящійная добродѣтель.—справедливость“. А величайшій изъ философовъ Платонъ такъ выражается по вопросу, нами затронутому: „Безъ сомнѣнія, лучшее свойство души человѣческой—всегда ходить предъ богами во всякой правдѣ и чистотѣ... Кто вѣритъ въ бытіе Бога, тотъ произвольно никогда не сдѣлаетъ безчестнаго поступка. Потому лучшее наслѣдство, какое мы можемъ оставить дѣтямъ, не золото, а глубокое благочестіе“ ²⁾).

Кто же долженъ снабжать дѣтей нашихъ этимъ наслѣдіемъ, которое всего нужнѣе и важнѣе для нихъ, для устройства ихъ жизни и для блага жизни общественной?

Всѣ мы,—старшее поколѣніе,—призываемся къ тому. Дѣти смотрятъ на насъ, перенимаютъ наши привычки и стараются подражать намъ. Соотвѣтственно образу нашей жизни и дѣятельности, на нихъ, даже безъ всякаго намѣренія нашего, отъ насъ происходитъ вліяніе, дающее извѣстное направленіе ихъ волѣ. Если у насъ нѣтъ благочестія и религіозности,—того духовнаго капитала, который, по справедливому указанію греческаго философа, болѣе нуженъ для дѣтей, чѣмъ золото,—то откуда мы возьмемъ это наслѣдіе, такъ важное для нихъ? Наша духовная бѣдность, отсутствіе въ насъ живого религіознаго чувства, не отразится ли въ нихъ духовнымъ оскуднѣніемъ? И не заглухнетъ ли въ нихъ врожденное религіозное чувство, когда кругомъ себя, въ примѣрѣ нашемъ, они будутъ видѣть проявленіе религіозной теплохладности и беззащѣчивое нарушеніе священныхъ обязанностей нашихъ по отношенію къ Богу, налагаемыхъ на насъ нашею матерію —Церковію?

¹⁾ Cicer. De natura deorum, Lib. I. cap. 2. § 4 (Leips. 1887. S. 23—24).

²⁾ Платоновы разговоры о законахъ. Кн. XI. X. V. Въ переводѣ Оболенскаго (М. 1827 г. I, стр. 471, 416, 173).

ность“¹⁾). Школѣ въ дѣлѣ религіознаго воспитанія мы принимаемъ уже второстепенное значеніе, потому что въ школу поступаетъ дитя уже съ болѣе или менѣе сложившимся зачатками нравственнаго облика, и ходя въ нее, въ особенности на первыхъ порахъ, оно не освобождается отъ семейнаго вліянія. „Семейство (говорить одинъ педагогъ) есть лучшая школа для насажденія зачатковъ вѣры, и если семейство исполнило свой долгъ, то задача школы въ этомъ отношеніи влается легкою“²⁾. Притомъ чрезъ школу проходить далеко не все, даже нынѣ, когда винимъ усиленную заботу о повсемѣстномъ учрежденіи школъ.

Какъ же семейство можетъ и должно дѣйствовать на пробужденіе и утвержденіе въ дѣтяхъ религіознаго чувства? Какими средствами оно можетъ образовывать изъ нихъ чадъ Божіихъ, хранящихъ святыню вѣры, въ Богѣ полагающихъ упованіе свое и послушныхъ Его велѣніямъ?

Для этого не нужно, и мы не хотимъ рекомендовать, никакихъ искусственныхъ пріемовъ. Дѣлайте то, что предписываетъ вамъ вѣра и церковь, и подъ вліяніемъ вашихъ дѣтей утвердятся въ правилахъ вѣры и благочестія. Вѣщная христіанская обстановка семейнаго дома, порядокъ жизни, устроенный по преданіямъ и завѣтамъ церкви, частыя внушенія и простыя бесѣды, напоминающія дѣтямъ о Богѣ, Творцѣ, Промыслителѣ и Спасителѣ нашемъ, о Его любви къ намъ, о нашей полной зависимости отъ Бога и необходимости исполненія всего, заповѣданнаго намъ Господомъ,— вотъ средства, какими располагаетъ семейство, для утвержденія въ дѣтяхъ религіознаго настроенія.

Всякій христіанскій домъ долженъ представлять изъ себя домашнюю церковь, и въ этой домашней церкви видимымъ

¹⁾ Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ § 88.

²⁾ Чтенія о воспитаніи П. Юркевича, стр. 209.

Мы сказали, что все старшее поколѣніе призывается и обязывается своимъ примѣромъ и вліяніемъ дѣйствовать на пробужденіе и утвержденіе въ дѣтяхъ чувства вѣры и благо-честія. Но въ старшемъ поколѣніи Богомъ и природою даны дѣтямъ особые приставники и хранители, на которыхъ по преимуществу лежитъ обязанность всемѣрной заботы о нихъ, о ихъ цѣлости и правильномъ развитіи. Первыхъ хранителей и воспитателей дѣтей мы видимъ въ семействѣ,—этомъ искономъ учрежденіи, самимъ Творцомъ нашимъ созданномъ для благоустроенія нашей жизни. Въ помощь этимъ естественнымъ, самимъ Богомъ призваннымъ, хранителямъ дѣтей, общество избираетъ нарочитыхъ людей, которымъ поручаетъ продолжать дѣло воспитанія дѣтей, пачатое ихъ первыми непосредственными воспитателями. Это второе воспитаніе дается школою, существующею во всѣхъ благоустроенныхъ обществахъ для болѣе усовершенствованнаго приготовленія дѣтей къ предстоящей имъ дѣятельности. Но въ дѣлѣ воспитанія религіознаго семейству принадлежитъ главное и первенствующее значеніе, гораздо болѣе важное, чѣмъ школь, и священная обязанность приготовить изъ дѣтей вѣрныхъ чадъ Божіихъ первѣе всего лежитъ на родителяхъ, которымъ Богъ даетъ дѣтей, и въ сердце которыхъ вселяетъ любовь къ нимъ, побуждающую ихъ простирать свою заботливость о нихъ до самопожертвованія. Здѣсь, въ семействѣ первѣе всего формируется нравственный обликъ дитяти. Здѣсь въ молодой души кладутся сѣмена, которыя потомъ, возрастая, принесутъ плодъ по роду своему. Первые впечатлѣнія, получаемыя юною душою, никогда потомъ совершенно не изглаждаются изъ нея, и что воспринимается человѣкомъ въ годы перваго его развитія, служить тѣмъ основнымъ капиталомъ, на который живетъ онъ въ теченіе дальнѣйшей своей жизни. „Молодой возрастъ (скажемъ словами одного изъ русскихъ святителей), какъ скудельный сосудъ, чѣмъ наноемъ будетъ, добрымъ или злымъ, такую вонь и впоследствии издавать бу-

образомъ должна быть выражена вѣра, живущая въ сердцахъ христіанскихъ, и благоговѣнное памятованіе о Богѣ. Наглядными знаменіями этой вѣры и памятованія о Богѣ служатъ святыя иконы, которыя должны быть первымъ, наиболее цѣннымъ, украшеніемъ христіанскаго дома. Эти священные предметы, сами по себѣ, способны возбуждать религіозное чувство. Но особенно впечатлительно и сильно можетъ дѣйствовать на дѣтей видъ этой святыни, когда родители и вообще старшіе члены семьи съ полнымъ благоговѣніемъ относятся къ святымъ иконамъ, напоминающимъ намъ о Богѣ Спасителѣ или Божіей Матери, или о святыхъ угодникахъ Его, нашихъ молитвенникахъ предъ Богомъ. Хорошо, если эта домашняя святыня не только блюдетъ въ чистотѣ, но и украшается такъ или иначе, по мѣрѣ усердія и имущества старшихъ членовъ семьи. Хорошо, если предъ нею возжигается лампадка, хотя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ: огонь этой лампадки служитъ знаменіемъ теплой молитвы, возносимой домашними къ святымъ небожителямъ. Предъ этою святынею члены семьи удовлетворяютъ требованіямъ своего религіознаго чувства, и, благоговѣнно преклоняясь предъ нею, возносятъ свои молитвы къ Богу. Когда видитъ дитя это,—оно само невольно и незамѣтно исполняется чувствомъ благоговѣннаго почитанія святыни Божіей, и вслѣдъ за отцомъ и матерью и по ихъ примѣру, само преклоняется предъ нею, и еще до раскрытія полнаго сознанія научается молиться Богу, и эта дѣтская безусловная молитва можетъ быть пріятнѣе Богу, чѣмъ молитва, произносимая изъ нашихъ грѣшныхъ устъ. Если же въ семействѣ забываютъ объ этой святынѣ,—первой принадлежности христіанскаго дома, и не воздаютъ ей достодолжнаго почитанія и поклоненія,—этимъ отнимаютъ у дѣтей одно изъ главныхъ средствъ, возбуждающихъ и питающихъ религіозное чувство.

При словѣ о святыхъ иконахъ, служащихъ украшеніемъ христіанскаго дома, сама собою припоминается намъ другая святыня, возлагаемая на каждаго изъ насъ. Мы разумѣемъ святой крестъ, возлагаемый на насъ при крещеніи. Церковь возлагаетъ на насъ этотъ святой крестъ, чтобы онъ постоянно напоминалъ намъ о нашемъ воцерковленіи, о нашемъ приобщеніи къ числу спасаемыхъ. Нужно, чтобы этотъ святой крестъ никогда не снимался съ груди каждаго дитяти, такъ и другихъ старшихъ членовъ семьи. Нужно, чтобы дитя знало, что этотъ крестъ—знаменіе нашего спасенія, и что онъ охраняетъ насъ отъ наветовъ вражійихъ. Носимый на груди, онъ напоминаетъ сердцу нашему о Христѣ, за насъ распятомъ и спасшемъ насъ своею смертію, и это напоминаніе, конечно, не безъ значенія для возбужденія и укрѣпленія религіознаго чувства. Дурно, если теряютъ это священное знаменіе, напоминающее намъ о нашемъ воцерковленіи. Еще хуже, если прямо пренебрегаютъ имъ и не считаютъ нужнымъ носить на себѣ эту святыню. Намъ памятно знаменательное изреченіе одного благочестиваго старца: „Если мы оставимъ носить крестъ, возлагаемый на насъ при крещеніи, то и насъ можетъ оставить непобѣдимая и непостижимая сила честнаго и животворящаго креста“.

Второе условіе добраго семейнаго вліянія на дѣтей въ дѣлѣ утвержденія религіознаго чувства—порядокъ жизни семейной, отмѣченный печатію религіозности. Добрые христіане начинаютъ каждое дѣло молитвою. Они молятся Богу, оставши отъ сна, предъ началомъ дневныхъ занятій,—молятся и отходя ко сну, по окончаніи дневныхъ трудовъ,—молятся они предъ обѣдомъ и предъ ужиномъ, и по окончаніи обѣда и ужина, и все это совершаютъ истово, съ благоговѣніемъ. Въ иныхъ благочестивыхъ семействахъ, къ сожалѣнію чрезвычайно рѣдкихъ, вечернія и утреннія молитвы совершаются всѣми вмѣстѣ. Нужно ли говорить, какъ все это благотворно

отражается на дитяти? Дитя смотритъ на родителей, перенимаетъ то, что они дѣлають, и само пріучается къ порядку жизни, заведенному и хранимому въ семействѣ. Старшіе кладутъ на себя крестное знаменіе, и оно то же дѣлаетъ, старшіе кладутъ земные поклоны, и оно за ними. Пусть это въ началѣ дѣлается полусознательно. Это первоначально полусознательное подражаніе старшимъ съ теченіемъ времени обратится въ привычку, которая освѣтится сознаниемъ христіанскаго долга,—и утвердится въ дитяти, перешедшемъ въ юношескій возрастъ, такое настроеніе, при которомъ оно никогда не будетъ оставлять долга молитвы предъ Богомъ.

Въ добромъ семействѣ дни воскресные и праздничные отличаются отъ буднихъ дней особымъ чествованіемъ. Всею поступка старшихъ членовъ семьи въ такіе дни внятно говорятъ воспримчивому чувству, что это дни Божіи, что въ эти дни по преимуществу нужно служить Богу. Первымъ дѣломъ взрослыхъ въ такіе дни пойти въ церковь на утреню или всенощную и на обѣдню, и они берутъ съ собой дѣтей, заставляя и пріучая ихъ участвовать въ общественной молитвѣ. Священная радость праздника, чествуемаго въ семействѣ, обнимаетъ душу дитяти, и оно, разъ испытавъ эту радость, ждетъ-не дождется праздника, чтобы снова сердце его исполнилось пріятными, разъ испытанными, впечатлѣніями. Пріучившись ходить въ церковь въ воскресные и праздничные дни съ дѣтства, дитя, когда возрастетъ, будетъ считать грѣхомъ для себя пропустить богослуженіе въ нарочитые священные дни. Его будетъ безпокоить совѣсть, если оно нарушитъ долгъ христіанина освятить праздничный день участіемъ въ богослуженіи.

И въ другихъ случаяхъ въ добрыхъ христіанскихъ семействахъ все совершается по чину и благословенію церковному. Тамъ семейныя торжества, въ родѣ именинъ или дней рожденія или другихъ какихъ-либо знаменательныхъ событій,

предначинаются молитвою, а мірское празднованіе, —принятіе гостей и раздѣленіе съ ними трапезы,—является дополненіемъ къ религіозному торжеству. Въ достопамятные для семейства дни тамъ часто зовутъ въ домъ служители церкви, чтобы онѣ освятили домъ и децъ благословеніемъ церковнымъ, и вмѣстѣ со всѣми домашними вознесъ молебное пѣніе къ Богу, Раздаятелю даровъ, земныхъ и небесныхъ. Тамъ не позволяютъ себѣ пренебрегать заповѣдію о постахъ. Тамъ съ особенною сосредоточенностію и молитвеннымъ настроеніемъ проводятъ дни говѣній, и съ великимъ вниманіемъ приготовляются къ принятію таинствъ неповѣди и причащенія тѣла и крови Господней. И на древѣ добромъ возрастаютъ и созрѣваютъ плоды добрые. Юныя отрасли въ благочестивыхъ семействахъ всегда являются вѣрными тѣмъ завѣтамъ и преданіямъ, какія въ нихъ блюдутся.

Мы не можемъ сказать, чтобы добрый христіанскій порядокъ жизни твердо сохранялся въ нынѣшнихъ нашихъ семействахъ. Мѣняются и исчезаютъ добрыя старыя нравы. „Много согрѣшили и грѣшимъ мы предъ Богомъ, пренебрегая установленіями церкви и благочестивыми преданіями отцовъ нашихъ (писалъ московскій митрополитъ Филаретъ въ началѣ шестидесятихъ годовъ, когда при разнузданности мысли, переставшей слушаться указаній вѣры, особенно замѣтно стало оскудѣніе благочестія въ нашемъ обществѣ); а примѣръ подають люди высшихъ и среднихъ сословій“. Лучше ли нынѣ стало, чѣмъ было тогда, когда писалъ слова скорби нашъ великій и прозорливый святитель? Сомнительно. Многіе ли нынѣ соблюдаютъ посты, установленные церковію? Вездѣ ли молятся утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда? Считаютъ ли нынѣ непремѣннымъ долгомъ ходить въ церковь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ? Прежде, въ дни нашей юности, осенью и зимою, утрени или всенощныя служились не съ вечера, а глубокимъ утромъ, задолго до разсвѣта, и люди не лѣнились вставать въ три или

четырѣ часа утра, и будили дѣтей своихъ, чтобы вмѣстѣ съ ними пойти въ церковь. И помню я, въ трескучіе морозы (я уроженецъ сѣверной губерніи) глубокою ночью, мы, дѣти, снѣжили въ церковь къ утрени, по первому удару колокола. Этого мало. Иные изъ насъ скорбѣли и просто плакали, если въ великій праздникъ просыпали начало утрени и являлись въ храмъ уже среди всенощнаго богослуженія. Прибавить къ тому нужно, и храмы тогда были не такіе теплые, какъ нынѣ... А въ настоящее время многіе ли пошли бы въ церковь въ такіе ранніе часы, въ какіе мы, бывало, ходили? Нынѣ, въ виду измѣнившихся обычаевъ и ослабленія благочестивой ревности христіанъ, утрени или всенощныя богослуженія цѣлый годъ, за исключеніемъ особенныхъ дней, отправляются съ вечера: церковь падить изгнѣженныхъ и ослабѣвшихъ членовъ своихъ. Но и на вечернее богослуженіе предъ воскреснымъ или праздничнымъ днемъ всё ли считаютъ долгомъ являться? У насъ нынѣ даже, какъ будто наперекоръ зову церкви, по преимуществу по субботамъ, когда идетъ всенощная, устроятся общественныя или частныя увеселительныя собранія. Какъ это вредно дѣйствуетъ на дѣтей, на ослабленіе и изсушеніе въ нихъ религіознаго чувства,—понятно само собой.

Третье средство, какимъ старшіе члены сами могутъ дѣйствовать на возбужденіе и утвержденіе религіознаго чувства въ дѣтяхъ,—благочестивыя бесѣды и частныя напоминанія о Богѣ, который даетъ намъ все, и предъ которымъ мы должны будемъ отвѣчать за всё свои поступки. Въ глубинѣ нашего существа положено начало вѣры въ Бога и Его промышленіе о насъ. Будьте эту вѣру, дайте пицу ей; пусть она, при нашемъ посредствѣ, изъ неяснаго и зыбкаго чувства, переходитъ на степень сознательнаго и твердаго убѣжденія. Простымъ словомъ передавайте дитяти свои святыя вѣрованія,—говорите ему, какъ Богъ любитъ насъ, и что Онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ для насъ; напоминайте ему, чего

Богъ требуетъ отъ насъ, и не забывайте внушать ему, что Богъ хотя многомилостивъ и человеколюбивъ, но гнѣвается на насъ, когда мы поступаемъ противъ Его заповѣдей, и т. под. Пусть имя Божіе будетъ первымъ словомъ, которое вы сообщите дитяти,—первымъ предметомъ, благоговѣнное почитаніе котораго вы передадите ему. Дети любятъ рассказы: говорите ему о святыхъ угодникахъ, о ихъ подвигахъ и терпѣніи, о чудесахъ, какія они совершали по благодати Божіей, о той помощи, какую они сильны оказывать, обращающимся къ нимъ. Прежде всѣхъ другихъ познаній, познаніе о Богѣ должно быть сообщено воспримчивому уму дитяти. „Какъ человѣческой родъ (совершенно справедливо говоритъ одинъ педагогъ) ¹⁾ имѣлъ вѣру въ Бога прежде, чѣмъ онъ обогатилъ себя полезными для общежитія свѣдѣніями, научился различнымъ искусствамъ и позналъ основанія гражданственности, такъ и дитя должно принять въ свое сердце зачатки вѣры ранѣе другихъ зачатковъ образованія: мысль о Богѣ, о Его милости, Его любви къ человѣку должна быть въ его духѣ самая древнѣйшая; она должна происходить изъ того времени, когда дитя, не зная ни заботъ, ни золь міра, жило любовію и попеченіемъ родителей, которые были для него видимыми представителями любвеобильнаго провидѣнія Божія. Обстоятельства послѣдующей жизни съ ея частыми тревогами и рѣдкими радостями настойчиво понуждаютъ человѣка вспоминать эту первую любовь, и при этомъ живая вѣра въ Бога и преданность Его волѣ оживаютъ въ духѣ, какъ самыя свѣтыя черты его личности“.—*Отцы, говоритъ апостолъ, воспитывайте чадъ своихъ въ наказаніи и ученіи Господни* (Ефес. VI, 4).

Въ практикѣ современнаго воспитанія нерѣдко забываютъ эту святую истину, и не считаютъ нужнымъ первѣе всего насаждать въ сердцахъ дѣтей зачатки вѣры. Инымъ

¹⁾ Чтенія о воспитаніи. П. Юрковича стр. 203—209.

даже кажется лучшим напомнить раскрывающееся сознание дитяти представлением наглядных вещей житейскаго обихода, чѣмъ напоминаніемъ о Богѣ и божественныхъ предметахъ. Для примѣра мы позволимъ себѣ указать на одинъ педагогическій приѣмъ, хотя не заслуживающій особаго нареканія, но характерно отмѣчающій нашу педагогическую практику. Когда насъ въ старые годы учили грамотѣ и давали въ руки первую учебную книгу—азбуку, въ ней на первыхъ страницахъ было напоминаніе о священныхъ предметахъ. Въ азбукѣ первая буква, съ которой начинается ученіе, А, или по старому, Азъ, и въ поясненіе того, какъ произносится эта буква, въ старой учебной книгѣ приводились слова: *ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій*. Вторая буква В. За нею, въ примѣръ произношенія, ставились слова: *Богъ, Божество*. Соответственно съ этимъ во всемъ содержаніи этой первоначальной учебной книги подбираются и представляются вниманію дитяти, начинающаго учиться, священные предметы и наставленія, питающія чувство вѣры и благочестія. На смѣну этой старой азбуки явилась новая, преслѣдующая наглядность обученія. И вотъ въ ней послѣ буквы А стоитъ слово: не „ангелъ“, а „ананасъ“, котораго большинство дѣтей нашихъ никогда не видитъ, а послѣ В не „Богъ“, а „быкъ“ и т. д. и въ соотвѣтствіе этихъ примѣровъ строится все содержаніе учебной книги. Не знаю, какъ вамъ, а мнѣ кажутся болѣе цѣлесообразными и приличными примѣры, приведенные въ старой азбукѣ, чѣмъ въ новой. Православный народъ нашъ считаетъ грамоту дѣломъ священнымъ, и вотъ дитя народа, перекрестясь, садится за азбуку, и его съ самаго начала занимаютъ словами: ананасъ, быкъ и т. под., и дается пища не религіозному чувству, а другому, болѣе низменному. Вы скажете, что это вещи мелочныя, которымъ можно бы не придавать значенія. Но одна, другая, третья частность, отвлекающая вниманіе дитяти отъ религіозныхъ предметовъ, и

замѣняющая ихъ предметами, относящимися къ низшей сферѣ,—и понижается настроеніе человѣка. Взоръ его былъ обращенъ къ Богу, а его склоняють долу, и заставляютъ смотрѣть на то, что подъ ногами.

Мы бываемъ виновными предъ дѣтьми еще въ большемъ. Иные изъ насъ не стѣняются въ присутствіи дѣтей вести легкомысленные разговоры, въ которыхъ ясно слышится потка маловѣрія или даже невѣрія, позволяютъ себѣ насмѣшки и глумленія надъ священными лицами и предметами, подвергаютъ осужденію выраженіе благочестія народа, волящагося простою вѣрой. Нѣтъ, въ присутствіи дѣтей, *словесель твоимъ сотвори вѣсь и мѣру, и усталъ твоимъ сотвори дверь и затвору* (Сир. XXVIII, 29). Наши вольныя, неосторожныя и необдуманныя бесѣды губительно дѣйствуютъ на дѣтскую душу, убивая въ ней святое чувство. Остерегайтесь бросать тлетворное сѣмя на неиспорченную почву дѣтской души. Отъ вашихъ неосторожныхъ, легкомысленныхъ словъ незамѣтно проторгается ядъ въ душу дитяти и, воспринятый ею, производитъ въ ней губительное дѣйствіе. И себя самихъ вы этимъ подвергаете суду гнѣва Божія. *Иже аще соблазнить единого малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя* (повторимъ мы слова Господа, уже разъ приведенныя нами), *уне есть ему, да обьсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинь морстнѣй* (Мато. XVIII, 6).

Отъ теоретическихъ разсужденій мы обращаемся къ урокамъ исторіи, и историческіе примѣры наглядно подтверждаютъ намъ то положеніе, что доброе семейное воспитаніе—первая и самая твердая основа религіознаго настроенія дѣтей, которое, бывъ укоренено въ нихъ въ юные годы, потомъ входитъ въ плоть и кровь ихъ, и если потомъ встрѣтятся имъ противоположныя вліянія, они не поддаются имъ и удерживаютъ то, чѣмъ स्वाбдило ихъ семейство. Спросите исторію, откуда выходили великіе свѣтильники церкви,

крѣпкіе вѣрою и свѣтыми нравами, прославляемые потомствомъ? И она скажетъ вамъ: изъ тѣхъ семействъ, въ которыхъ укоренено было благочестіе, и твердо хранились заветы вѣры. Было въ четвертомъ христіанскомъ вѣкѣ одно дивное, достоподражаемое семейство,—семейство св. Василія Великаго. Всѣхъ дѣтей у благочестивыхъ родителей Василія Великаго было десять, и весь этотъ десятиричный сонмъ отличается святостію жизни, твердостію и чистотою вѣры. Всѣ они, по словамъ св. Григорія Богослова¹⁾, представляютъ „блаженнѣйшее число іереевъ, дѣвственниковъ и обязавшихся супружествомъ, впрочемъ такъ, что супружеская жизнь не воспріятыствовала имъ наравнѣ съ первыми преслѣдовать въ добродѣтели“. Одинъ изъ нихъ, св. Василій Великій, вселенскій учитель, другой—св. Григорій иппскій, знаменитый отецъ церкви, третій—св. Петръ севастійскій, чтимый за святость жизни, четвертый—инокъ Навкратій, въ молодые годы подававшій примѣръ аскетической жизни, и утопувшій, на двадцать четвертомъ году жизни, на службѣ для престарѣлой братіи; старшая сестра, Макрина, удивительная по высотѣ духа начальница христіанскихъ дѣвственницъ... А отчего такой сонмъ великихъ святыхъ вышелъ изъ одного семейства? Отъ того, что отличіемъ отцова и матерняго рода у нихъ было благочестіе, отъ того, что въ ихъ домѣ издавна сохранились святые обычаи, предписываемые церковію. Ихъ бабка Макрина воспитала въ строгомъ благочестіи сына своего, отца Василіева, по имени тоже Василія, и болѣе всего желала, чтобы изъ сына ея вышелъ благочестивый человѣкъ, и сыгъ ея, по словамъ св. Григорія, достигъ исполненія родительскихъ желаній, и всѣхъ превосходилъ добродѣтелию, и только въ одномъ сыгѣ напелгъ преиятствіе удержать за собою первенство. Она избрала ему

¹⁾ Творенія св. Григорія Богослова, т. IV стр. 61—62. Надгробное слово Василю, архієпископу Кесаріи Каппадокііскіа.

супругу Еммелию, также изъ благочестиваго семейства, которая то же была между женами по добродѣли, что супругъ съ между мужами. Бабка Макрина брала подъ свое непосредственное попеченіе внуковъ своихъ и насаждала въ нихъ первыя сѣмена вѣры и благочестія. Она разсказывала имъ, какъ предки ихъ твердо стояли за вѣру и указывала между ними такихъ, которые не мало пострадали за исповѣданіе имени Христова. Она учила ихъ молиться Богу и сама молилась съ ними; она водила ихъ въ храмъ Божій, и, смотря на ея примѣръ, они во время богослуженія съ благоговѣніемъ возносили изъ чистыхъ дѣтскихъ сердець теплыя молитвы къ Создателю. Къ вліянію примѣра бабки и родителей для младшихъ членовъ семьи присоединилось вліяніе старшаго брата и сестры: св. Макрина, старшая изъ дѣтей Василія и Еммелии, и св. Василій Великій, старшій изъ братьевъ, своими строгими правами, своими высокими подвигами, своимъ религіознымъ настроеніемъ, для младшихъ членовъ семьи были внушительнымъ образцомъ, располагавшимъ къ подражанію. Удивляясь высокой добродѣтели св. Василія Великаго и его братьевъ и сестеръ, св. Григорій Богословъ замѣчаетъ: „ежели изъ дѣтей одинъ или двое бываютъ достойны похвалы, то сіе можно приписать и природѣ. Но превосходство во всѣхъ очевидно служить къ похвалѣ родившихъ и воспитавшихъ“,—къ похвалѣ того строгаго порядка, какой царилъ и держался въ домѣ.

Особенно доброе вліяніе въ дѣлѣ религіознаго воспитанія можетъ и должна оказывать на дѣтей мать, и церковь призываетъ ее къ этому, и возлагаетъ на нее свои надежды. Дитя, еще до появленія на свѣтъ, живетъ неразрывною жизнію съ матерію, и согрѣвается ея живительною теплою, и, по появленіи на свѣтъ, отъ нея получаетъ первую пищу, поддерживающую жизнь его. Но физическимъ питаніемъ не должна ограничиваться обязанность разумной матери. У дитяти, кромѣ тѣла, есть душа, которая такъ же требуетъ пита-

честія. „Благодарю тебя, дорогая мать моя! (говоритъ одинъ изъ таковыхъ, обращаясь къ умершей матери своей). Благодарю тебя! И вѣчно останусь твоимъ должникомъ! Когда замѣчалъ твой взоръ, твои тѣлодвиженія, твое ходженіе предъ Богомъ, твои страданія, твое молчаніе, твои дары, твои труды, твою благословляющую руку, твою тихую, постоянную молитву,—тогда, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, каждый разъ какъ бы вновь возрождалась во мнѣ жизнь духа, чувство благочестія. И этого чувства не могли посты истребить никакія понятія, никакія сомнѣнія, никакія обольщенія, никакіе вредные примѣры, никакія страданія, никакія притѣвленія, даже никакіе грѣхи. Еще живетъ во мнѣ эта жизнь духа, хотя протекло уже болѣе сорока лѣтъ, какъ ты оставила временную жизнь¹⁾).

Мы полагаемъ, что въ средѣ нашей немало такихъ матерей, за которыхъ возносятся горячія молитвы отъ дѣтей, воспитанныхъ ими въ духѣ благочестія. Но онѣ скрываются въ неизвѣстности и вѣдомы одному Богу. А исторіи выставляютъ намъ величественные образы женъ, воспитавшихъ для церкви изъ своихъ дѣтей такихъ мужей, которые сдѣлались великими свѣтильниками вселенной, — выставляютъ съ тѣмъ, чтобы всѣ чтли ихъ за ихъ святой подвигъ, а матери подражали имъ. Назовемъ прежде всего Нонну, мать святаго Григорія Богослова. По словамъ этого славнаго сына своего (въ надгробномъ словѣ брату Кесарію), она „издревле и въ предкахъ посвященная Богу, не только сама обладаетъ благочестіемъ, неотъемлемымъ наслѣдіемъ, но передаетъ оное и дѣтямъ... И она до того возростила и приумножила сіе наслѣдіе, что нѣкоторые увѣрены и увѣряютъ, будто бы совершенства, видимыя въ мужѣ, были единственно ея дѣломъ, и (что чудно) въ награду за благочестіе жены дано мужу

¹⁾ О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія. Евсевія, изд. 1853 г., стр. 239.

ни, какъ и тѣло. Проблески этой духовной жизни появляются тотчасъ же, какъ начинаетъ возрастать и укрѣпляться тѣло. Благодѣтели за этимъ проявленіемъ духовной жизни дитяти, развивать ее и давать ей направленіе самою природою призвана первая приставница и хранительница дитяти—мать, на рукахъ которой вырастаетъ оно. Отъ нея слышитъ оно первыя слова и научается говорить; къ ней обращается съ своими желаніями,—къ ея ласкамъ привыкаетъ и отъ нея воспринимаетъ первыя впечатлѣнія, составляющія основной духовный капиталъ его для жизненнаго поприща. Вслѣдствіе этого „религіозное воспитаніе“,—это дѣло высокой, первостепенной важности для выработки добраго характера и устроенія истиннаго счастья человѣка (говорила недавно скончавшаяся королева англійская),—всею лучше совершается на колыбеляхъ у матеря“. Нѣжность любящаго женскаго сердца дѣлаетъ ее особенно способною къ образовательному дѣйствию на мягкую и гибкую душу дитяти и даетъ ей въ этомъ отношеніи такія силы, какихъ не имѣетъ сравнительно болѣе холодный мужъ, при томъ болѣе расположенный къ вѣншей дѣятельности и отвлекаемый разными заботами отъ своего дома. Пусть же мать сообщаетъ своему дитяти первыя понятія о Богѣ и полагаетъ основы въ его душѣ для возрастанія его въ вѣрѣ и благочестіи, что важнѣе питанія тѣлеснаго,—и мать, христіанка не по имени только, непременно исполнитъ эту обязанность. Она знаетъ, что „не одно рожденіе (какъ говорить св. Тихонъ Задонскій) дѣлаетъ ее матерію, но и доброе воспитаніе дѣтей“. И если мать исполнила свою христіанскую обязанность по отношенію къ своему дитяти, это дитя, возросши, съ умиленіемъ и благодарностію будетъ вспоминать заботы своей матери о той духовной пищѣ вѣры, которою питался онъ отъ нея, при первомъ пробужденіи сознательной жизни. И мы не можемъ, безъ глубокаго волненія, читать трогательныя выраженія чувствъ благодаренія къ своей матери отъ людей, воспитанныхъ ею въ духѣ вѣры и благо-

большее и совершеннѣйшее благочестіе... Для нея и въ дѣтихъ одно было утѣшеніе, чтобы они прославлялись и именовались во Христѣ; подъ благочадіемъ она разумѣла добродѣтель и приближеніе дѣтей къ совершенству“¹⁾. Въ особенности ея вниманіе обращено было на воспитаніе въ благочестіи старшаго сына своего Григорія. Не имѣя долгое время дѣтей мужескаго пола, она просила Бога увѣнчать ея супружество дарованіемъ ей сына, и эту молитву подкрѣпляла обѣтомъ посвятить сына, если Богъ даруетъ его ей, на служеніе Богу и Его святой церкви. Св. Григорій былъ, такимъ образомъ, чадомъ молитвы и благочестиваго обѣта, подобно пророку Самуилу. Благодарная Богу за исполненіе ея материнской молитвы, Нонна всея заботы приложила къ тому, чтобы изъ дарованнаго ей сына возросъ человекъ по сердцу Божию, и тотъ духъ благочестія, которымъ была проникнута, старалась всецѣло передать своему сыну. И сынъ, получивъ отъ матери это доброе наслѣдіе, свято хранилъ его и умножилъ подвигомъ своей жизни. Гдѣ бы онъ ни былъ, для него всегда были памяты священные завѣты матери, и они направляли его на пути, угодные Богу. Встрѣчались ему искушенія и соблазны: вспоминалъ онъ о своей матери и ея благочестіи, о ея желаніи видѣть въ сынѣ вѣрнаго Богу,— и онъ безъ труда являлся побѣдителемъ надъ соблазнами и искушеніями. Когда онъ переживалъ самый опасный и для иныхъ бурный періодъ своей жизни, при переходѣ отъ юности въ возмужалость и былъ окруженъ товарищами, изъ которыхъ большинство были язычники, не отличавшіеся скромными нравами, онъ, воспитанный въ правилахъ благочестія, отнюдь не измѣнялъ добродѣтели, которая для него (по его собственнымъ словамъ), какъ и для друга его, св. Василія Великаго, вмѣстѣ съ нимъ слушавшаго уроки въ высшей

---

¹⁾ Творенія св. Григорія Богослова. Надгробное слово брату Кесарію. Т. I, стр. 243—244.

годуашней аоинской школьѣ, была единственнѣмъ упражненіемъ. „Мы вели дружбу (говоритъ св. Григорій) и съ товарищами, но не съ паглыми, а съ цѣломудренными, не съ задорными, а съ миролюбивыми, съ которыми можно было не безъ пользы сойтись; ибо мы знали, что легче заимствовать пороки, нежели передать добродѣтели; такъ какъ скорѣе заразиться оубѣзною, нежели сообщить другимъ свое здоровье. Намъ извѣстны были двѣ дороги: одна—это первая и превосходнѣйшая—вела къ нашимъ священнымъ храмамъ и къ тамошнимъ учителямъ; другая—это вторая и не равнаго достоинства съ первою—вела къ наставникамъ наукъ вѣнчаныхъ. Другія же дороги—на праздники, на вѣрница, въ народныя стеченія, на пиршества—предоставляли мы желающимъ. Ибо и вниманія достойнымъ не почитали того, что не ведетъ къ добродѣтели и не дѣлаетъ лучшимъ своего любителя. У насъ одно великое дѣло и имя—быть и именовать христіанами, и симъ мы хвалились больше всего... Хотя для другихъ (не безъ основанія такъ думаютъ люди благочестивые) душепагубны Аоины, потому что изобилуютъ худымъ богатствомъ—идолами, которыхъ тамъ больше, чѣмъ въ цѣлой Элладѣ, такъ что трудно не увлечься за другими, которые ихъ защищаютъ и хвалятъ, однако же не было отъ нихъ никакого вреда для насъ, сказавшихъ и заградившихъ сердце. Напротивъ того (если нужно сказать то, что нѣсколько необыкновенно), живя въ Аоинахъ, мы утверждались въ вѣрѣ; потому что узнали обманчивость и лживость идовъ, и тамъ научились презирать демоновъ, гдѣ имъ удивляются. И ежели дѣйствительно есть, или въ народномъ вѣрованіи существуетъ, такая рѣка, которая сладка, когда течетъ и черезъ море, и такое животное, которое прыгаетъ и въ огнѣ всенстребляющемъ, то мы ходили на это въ кругу своихъ сверстниковъ“ ¹⁾. Такова сила семейнаго, и въ частности

¹⁾ Творенія св. Григорія Богослова. Надгробное слово Василию, архіепископу Кесаріи Каппадокійскія. Т. IV, стр. 75—76.

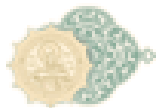
материнскаго добраго вліянія.— И в послѣдствіи, когда св. Григорій явился сильнымъ дѣятелемъ на церковно-административномъ поприщѣ, не изгладилась въ немъ печать материнскаго вліянія. Эта печать видна была не въ одномъ благочестіи предъ святынею, не въ одной преданности церкви и ревностномъ исполненіи ея уставовъ, что старалась вгнѣдрить въ его душѣ его мать, знавшая одно истинное благородство— быть благочестивою. Отъ матери онъ получилъ душу нѣжную, впечатлительную, отъ которой вѣяло женственною мягкостію и въ годы возмужалой крѣпости. Эта нѣжная, задумчивая и впечатлительная душа вылилась въ его безнодобныхъ стихотвореніяхъ, которыя и нынѣ способны трогать и волновать души читателей. Отъ матери онъ наслѣдовалъ увлеченіе къ превысшренному міру; подобно ей, прежде разлученія съ тѣломъ онъ переселенъ былъ отсель; по его словамъ, не ихъ міръ былъ этотъ міръ презираемый, но ихъ міръ былъ тотъ міръ предпочитаемый. При силѣ его ума и при богатствѣ его образованія, вслѣдствіе такого направленія, онъ сдѣлался мыслителемъ, созерцателемъ, постоянно обрацавшимся свое духовное око къ тайнамъ высшаго боговѣдѣнія, вписившимъ свѣтъ въ трудно постижимыя области христіанскаго знанія, за что почтенъ церковію титуломъ „богослова“.

Рядомъ съ Нонною, матерію св. Григорія Богослова, возвышается въ исторіи образъ другой великой матери, воспитавшей и давшей церкви окруженнаго величайшею славою вселенскаго учителя св. Иоанна Златоуста, который матери своей Аноусѣ обязанъ первыми твердыми начатками своего благочестія. Оставшись вдовою на двадцатомъ году своей жизни, эта необыкновенная мать не думала о новомъ замужествѣ, хотя ея молодость, красота и богатство вызывали искателей руки ея, но всю себя посвятила воспитанію сына, и имъ однимъ жила. Она не только доставляла ему средства для пріобрѣтенія возможно лучшаго гуманнаго образованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и еще болѣе, доступными ей средствами,

утверждала его въ томъ добромъ христіанскомъ направленіи, которое считала наиболѣе важнымъ и полезнымъ для человека; она хотѣла, чтобы сынъ ея былъ не только образованный человекъ, но первѣе всего добрый, примѣрный христіанинъ. При себѣ старалась она держать его, заставляла его принимать участіе въ благочестивыхъ упражненіяхъ и отклоняла его отъ опаснаго общества, могущаго угрожать его нравственной чистотѣ. Она сдерживала порывы его юной, увлекающейся души и укрощала пылкость его характера, обнаруживающуюся въ немъ съ первыхъ лѣтъ его развитія. Видя и цѣня беззавѣтную и заботливую любовь къ себѣ своей матери, святой Іоаннъ предалъ ей быть всею душею и старался угождать всѣмъ ея желаніямъ. И вотъ, по вліянію матери, онъ отказался отъ той блестящей, по тогдашнему, карьеры, какую сулилъ ему его учитель Ливаній, высоко цѣнившій его ораторскій талантъ и желавшій видѣть въ немъ своего преемника, и оставивъ вѣщнія развлеченія и удовольствія, цѣлью своей жизни поставилъ возможное достиженіе христіанской добродѣтели, и потомъ всѣ свои силы, свой талантъ и свое знаніе посвятилъ на служеніе церкви. Ливаній именно матери и ея вліянію приписывалъ такое рѣшеніе, давшее нежеланный для него оборотъ въ жизни его любимаго и высокоцѣнимаго ученика. Самъ св. Іоаннъ Златоустъ всегда сохранялъ трогательныя воспоминанія о своей матери и трудахъ воспитанія, ею понесенныхъ для него. Когда приходилось ему говорить о библейскихъ женахъ, имѣвшихъ попеченіе о дѣтяхъ и направлявшихъ это попеченіе къ тому, чтобы они пребывали въ вѣрѣ и любви, и во святости съ цѣломудріемъ (напримѣръ объ Аннѣ, матери Самуила, о Соломоніи, матери Маккавеевъ), онъ съ особенною теплотою и трогательностію прославляетъ этихъ женъ, и видно, что, при мысли о нихъ, у него оживаетъ воспоминаніе о его собственной матери, не чуждой подвига этихъ женъ, и его личное чувство благодарной любви къ своей матери даетъ его

слову и важность и силу въ рѣчи о подобныхъ женахъ. Вліяніе его матери видно не только въ его нравственной дѣятельности, но и въ его проповѣднической практикѣ. Онъ былъ проповѣдникомъ любви, защитникомъ бѣдныхъ, утѣшителемъ скорбящихъ. Нѣтъ ли здѣсь яснаго слѣда если не уроковъ, то жизненнаго примѣра его матери, которая была женщина сердобольная и не могла равнодушно видѣть чужихъ страданій? Не былъ ли въ этомъ отношеніи ея сынъ-проповѣдникъ подражателемъ своей матери, которая передала ему въ наслѣдіе свои выдающіяся нравственныя качества?

Могутъ дѣти и благочестивыхъ матерей уклоняться отъ того добраго пути, на который онѣ старались направить ихъ, и своимъ поведеніемъ причинять скорбь ихъ материнскому сердцу. Что тогда дѣлать имъ? Что дѣлать..? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ назидательный примѣръ одной благочестивой матери, записанный въ исторіи,—именно благочестивой Мошки, матери блаженнаго Августина. Въ молодые годы этотъ, впоследствии знаменитый, учитель церкви не устоялъ въ борьбѣ съ пылкими страстями, на восемнадцатомъ году жизни имѣлъ незаконнорожденнаго сына, и своимъ поведеніемъ причинялъ глубокую скорбь своей благочестивой матери. Утерязъ нравственную чистоту и рабствуя страстямъ, онъ утерязъ-было и драгоценное наслѣдіе православной вѣры,—перешелъ въ секту манихейскую, которой оставался вѣрнымъ около девяти лѣтъ. Глубоко сокрушалась мать Августина о паденіи своего сына. Словомъ материнской любви она хотѣла дѣйствовать на него, но онъ оставался глухъ къ внушеніямъ своей матери. Что же дѣлаетъ она? Она предается усерднымъ горячимъ молитвамъ къ Богу,—въ этихъ молитвахъ повергаетъ предъ Богомъ свою материнскую печаль и проситъ у Него благодати, вразумляющей и врачующей заблуждающагося грѣшника. Она обращается къ служителямъ церкви и подвижникамъ, списавшимъ уваженіе за свое благочестіе, и проситъ у нихъ со-

вѣта, что ей дѣлать, чтобы возвратить сына церкви и благочестію, проситъ ихъ помощи для вразумленія и обращенія его. Святые мужи даютъ ей одинъ совѣтъ: *молись!* и вмѣстѣ съ тѣмъ обнадеживаютъ благодатною помощію, которая будетъ наградою за ея усердныя молитвы. „Молись! (говорили они) Молись! Быть не можетъ, чтобы погибло чадо такихъ молитвъ!“ И въ Августинѣ послѣдовала благодатная перемена, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ ожидать было можно. Изъ чловѣка сладострастнаго онъ сдѣлался строгимъ подвижникомъ благочестія, изъ еретика и неврвующаго — послушнымъ сыномъ церкви, сильнымъ и ревностнымъ защитникомъ православнаго ученія. И эта перемена первѣе всего призвана была горячими молитвами матери.

Не слишкомъ ли уже много мы распространились о вліяніи матери на образованіе характера дѣтей и ихъ направленіе? Потому мы говоримъ объ этомъ, что высоко цѣнимъ служеніе женщины въ качествѣ матери воспитательницы семейства, и въ этомъ служеніи ея видимъ главное призваніе ея, указанное ей самимъ Богомъ. Нигдѣ женщина не можетъ показать свое величіе, какъ въ усердномъ и вѣрномъ выполненіи этого своего призванія, и ничѣмъ не можетъ оказать другой высшей заслуги предъ церковію и обществомъ, какъ тѣмъ, если приготовить изъ дѣтей своихъ вѣрныхъ членовъ церкви и честныхъ слугъ обществу. Ныгѣ часто слышатея голоса, зовущіе женщину изъ скромнаго и тѣснаго семейнаго круга на арену общественной дѣятельности, и немало встрѣчается женщинъ, которымъ тѣсно въ семействѣ, и онѣ рвутся раздѣлять съ мужчинами труды общественнаго служенія. А иныя изъ нихъ по неволѣ должны искать себѣ занятій внѣ семейнаго круга; потому что при усложнившихся условіяхъ нашей общественной жизни, вслѣдствіе искусственной цивилизаціи, для многихъ затрудненъ и загражденъ путь къ принятію на себя высокаго и труд-

наго подвига матери. Мы не можемъ не отдавать дани уваженію усердію женщины, посвящающей свои силы и свое время выполненію какого-либо долга общественной службы,— въ званіи ли сестры милосердія или на педагогическомъ поприщѣ, особенно когда ей не вынать жребій свить себѣ семейное гнѣздо. Но какъ бы ни было благоплодно служеніе женщины внѣ семейнаго круга, въ какомъ-либо родѣ общественной дѣятельности,—мы не можемъ равнять его съ трудомъ матери, доброй устроительницы семейнаго дома. По назначенію женщины, Богомъ ей указанному, общественное служеніе ея, какого бы рода оно ни было, если она беретъ его на себя,—не главное, а второстепенное ея занятіе. И трудъ жены-матери тяжелѣе и цѣннѣе, чѣмъ трудъ женщины, вышедшей изъ семьи на арену общественной дѣятельности. Вы поймете и восчувствуете это, когда вспомните свою собственную мать, ея болѣзни рожденія, ея безсонныя ночи, ея безпокойныя заботы о насъ, ея тревоги и опасенія за насъ и трепетныя біенія сердца, когда она слѣдила за каждымъ шагомъ нашимъ. Да развѣ съ этимъ несопзъмѣримымъ трудомъ можетъ сравниться трудъ, положимъ, самой усердной наставницы и воспитательницы чужихъ дѣтей? Холодно и спокойно послѣдняя выполняетъ свое дѣло, не испытывая никакой болѣзненности. А мать вся, какъ въ огнѣ, горитъ, поглощенная заботою о храненіи своего дитяти. По выраженію одного писателя, мы, мужчины, съ болѣе крѣпкими нервами и мускулами, не выдержали бы и половины того не виднаго, но тяжелаго и часто мало цѣнимаго труда, какой несутъ матери—хранительницы нашего рода. Одинъ Богъ, наложившій на нихъ тяжелое бремя, даетъ имъ силы нести это бремя.

Жена спасется чадородія ради (говоритъ апостолъ; 1 Тим. II, 15)—чадородія ради, соединеннаго съ болѣзнями, и ради воспитанія чадъ, соединеннаго съ заботами и безпокойствами. Вотъ путь ко спасенію, указанный женщиноу. Всѣ другіе пути для нея—пути не прямые и побочные.

А чтобы надлежащимъ образомъ цѣнить заслугу женщины — матери, вспомните, что все общественные дѣятели выходятъ изъ семейства, и семействомъ приготовляются для своего служенія. Семейство — первая основная ячейка, отъ которой зависятъ болѣе широкія формы жизни. Минусъ семейство, можно ли выступить на широкую арену общественной дѣятельности? А въ семействѣ царица — мать: она здѣсь то же, что матка въ пчелиномъ ульѣ. Ею все здѣсь заправляется, и если гниль и нечистота въ ячейкѣ, то вина за это падаетъ на нее, заправительницу дома.

Женскую половину рода человѣческаго возвеличила Пресвятая Дѣва, ставшая честиѣйшею херувимъ и славиѣйшею безъ сравненія серафимъ. Чѣмъ возвеличила? Достоинствомъ Богоматери. Весь родъ человѣческій поклоняется этой пресвятой Матери, взирая на ея икону, гдѣ она обыкновенно изображается съ предвѣчнымъ Младенцемъ. Никогда она не является на поприщѣ общественной дѣятельности. Вся жизнь ея въ Младенцѣ, носимомъ ею на рукахъ; все ея заботы и попеченія сосредоточены на Немъ одномъ, и слытъ ея, за ея печали и ея материнскія попеченія о Немъ, воспринять ея душу, сопровождаемую сонмомъ ангеловъ, въ свои небесныя обители и дать ей силу помогать страждущему человечеству, въ особенности тѣмъ, которыя, подобно ей, посвящаютъ свою жизнь воспитанію дѣтей своихъ. Въ каждомъ домѣ, полагаю, есть священная икона Богоматери съ Младенцемъ на рукахъ. Смотрите на нее съ благоговѣніемъ, вы матери, и слѣдуйте ей въ своемъ служеніи юнымъ дѣторослямъ вашимъ, и если почувствуете тяжесть и безпокойство въ своемъ служеніи, воодушевляйте себя высокимъ примѣромъ Богоматери, и къ ея помощи обращайтесь, когда ослабѣваютъ силы ваши.

Еще многое недосказано нами въ разъясненіе того предмета, которому посвящена была рѣчь наша. Но мы боимся злоупотреблять вашимъ вниманіемъ, и чувствуемъ, что пора

положить конецъ слову. Намъ известно, что одинъ изъ уважаемыхъ сотрудниковъ нашихъ имѣлъ предложить вамъ болѣе подробное и обстоятельное рѣшеніе вопроса, нами затронутаго. Можетъ быть, вы нашли въ нашемъ словѣ что-либо жесткое, и оно могло показаться мало отвѣчающимъ вашимъ ожиданіямъ. Но мы высказали то, что составляетъ наше сердечное убѣжденіе, и что считаемъ нужнымъ и полезнымъ для такого важнаго и святаго дѣла, каковымъ служить воспитаніе дѣтей въ духѣ вѣры и благочестія. Наша цѣль бѣдетъ достигнута, если наше недостаточное слово возбудитъ или усугубитъ въ комъ-либо вниманіе къ этому святому дѣлу. А при вниманіи къ нему ваша любовь найдетъ и укажетъ надлежащія средства къ достойному выполненію его.

В. Пѣвницкій.